

УДК 338.1 DOI: 10.14451/1.243.276

Экономический шок в методологии обеспечения экономической безопасности страны*

© 2025 Песоцкий Андрей Алексеевич

Кандидат экономических наук, доцент, научный сотрудник. Лаборатория комплексного исследования пространственного развития регионов ИПРЭ РАН.

E-mail: andrey.pesotskiy@gmail.com

Ключевые слова: экономический шок, экономический кризис, методология экономической безопасности, санкции, институционализм, шокоустойчивость, системный подход.

Экономика России в последние годы столкнулась с необходимостью противодействовать деструктивным воздействиям большой разрушительной силы, которые актуализировали такой термин как «экономический шок». Проблематика противодействия экономическим шокам недостаточно разработана в России. Объект изучения исследования – социально-экономическая система Российской Федерации, предмет изучения – обеспечение экономической безопасности на государственном уровне в условиях глобальной нестабильности. Практическое применение результатов исследования заключается в совершенствовании управленческих механизмов противодействия угрозам экономической безопасности России.

В 2022 году национальная экономика России столкнулась с масштабным санкционным давлением, сопровождающимся разрывом большого числа экономических связей с США и странами Евросоюза. Модель однополярного мира, подразумевающая существование государство-гегемона и доминирование транснационального капитала, напрямую связанного с этим государством, начала меняться в сторону иного мирового порядка, в основе которого несколько центров развития. Народно-хозяйственный комплекс России стал переориентироваться на более плотное взаимодействие со странами БРИКС, стали актуальными такие понятия как «Глобальный Юг»,

«Поворот на Восток».

Разрыв основной части партнерских отношений со странами Запада и введенные ограничения резко усилили угрозы, вызовы и риски для экономической безопасности (ЭБ) страны, выведя на первый план проблематику защищенности социально-экономической системы России.

Признаки кризисного состояния международных институтов (таких как Совет безопасности ООН) и процессы деглобализации усиливают роль государств как влиятельных субъектов, определяющих экономическую политику в большей степени, чем транснациональные

* Публикация подготовлена в соответствии с государственным заданием ИПРЭ РАН по теме НИР «Разработка теоретико-методологических положений научно-технологического развития экономики на основе инновационной динамики и формирование механизмов ее реализации в регионах» (FMGS-2024-0001). (Р)

корпорации, которые оспаривают с государственными органами роль локомотива развития. В России повышается роль национальной обороны, военно-промышленного комплекса, что делает промышленность более государство-ориентированной. Еще одним явлением последних лет стало увеличение значения государственных корпораций – государственный капитал, пользующийся поддержкой органов политической власти, показал большую устойчивость к противостоянию с недружественными государствами, чем частный.

Представленные выше тезисы отражают актуализацию экономической безопасности страны как одного из магистральных направлений экономической мысли в Российской Федерации. Парадокс сложившейся ситуации в том, что в России, формально сохраняющей приверженность рыночной экономике, государственное планирование сложно отнести к какой-либо научной специальности, равно как и соответствующим управленческим практикам. ЭБ становится той «территорией смыслов», в которую укладывается повышение роли государства как субъекта, обеспечивающего развитие.

По состоянию на февраль 2025 года, экономика России демонстрирует успехи в адаптации к геоэкономическим изменениям. В феврале 2025 г. премьер-министр России Михаил Мишустин отметил, что рост ВВП Российской Федерации по итогам 2024 г. составил порядка 4%, при этом, с его слов, основным драйвером роста стала обрабатывающая промышленность, выросшая на 8% [6]. В. А. Плотников и А. В. Плотников пишут, что «восстановление российской экономики после серии макрошоков, вызвавших турбулентность в ее динамике, судя по количественным показателям, к настоящему времени произошло. Положительная динамика отчетливо наблюдается в годовом разрезе, в 2021 и 2023 гг. произошел ярко выраженный «посткризисный отскок» после шоков предыдущих годов» [12].

Согласно прогнозу Банка России, составленный на основе опроса экспертов в феврале 2025 г., по итогам 2025 г. рост ВВП составит

1,6%, в 2026 г. – 1,7%, в 2027 г. – 2% [5].

Можно сделать вывод, что экономика России устояла под враждебным давлением и имеет потенциал для дальнейшего роста, который не имеет прорывных, опережающих темпов, однако позволяет обеспечивать выполнение социальных обязательств перед гражданами и поддержание имеющегося уровня жизни. Характерно, что расходы на проведение специальной военной операции в Украине и восстановление новых территорий (ДНР, ЛНР, Запорожская область, Херсонская область) не смогли погасить экономический рост. Несмотря на то, что затраты на СВО фактически остаются засекреченными и недоступными для исследователей, повышенные темпы роста промышленного производства, к которому относятся и результаты работы военной промышленности, свидетельствуют об определенном благотворном воздействии Спецоперации на состояние экономики в среднесрочном периоде, что может быть связано с таким понятием как «военное кейнсианство».

Среди интересных публикаций, раскрывающих региональную специфику развития России в условиях глобальной турбулентности, можно отметить статью В. В. Окрепилова, С. В. Кузнецова [8], а также публикацию Д. А. Анучиной [1].

Резкое изменение внешнеэкономических условий актуализировало проблематику анализа внезапных деструктивных воздействий большой разрушительной силы. Оказалось, что основную угрозу для экономической безопасности России несет не медленное снижение наблюдаемых параметров, а труднопредсказуемое событие, меняющее условия функционирования как различных акторов, так и социума, в целом. Возникла потребность в обращении к понятию «экономический шок», которое фактически отсутствует в российской теории экономической безопасности.

Экономический шок в современной российской науке введен в теоретическую плоскость А. А. Песоцким [10] и детально проработан в его

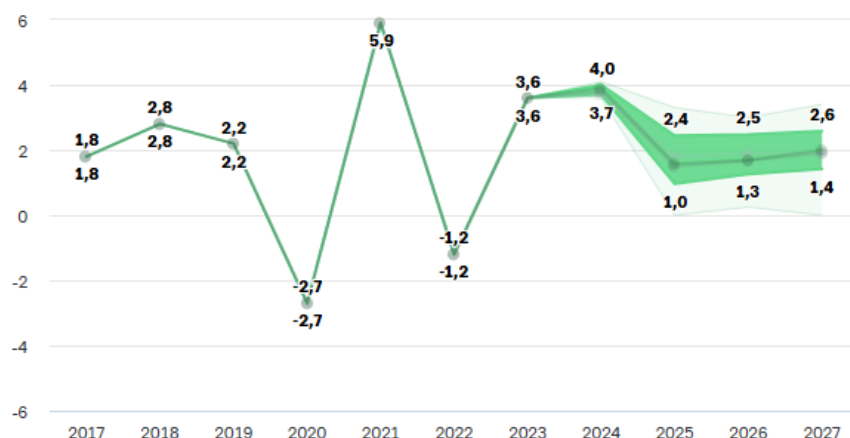

Рис. 1. Динамика и прогноз ВВП России (по материалам Банка России, февраль 2025 г.) [5].

публикациях последних лет. Толчком к актуализации данного понятия стали масштабные события последних лет — начало пандемии коронавируса (шок-2020) и начало санкционного противостояния со странами Запада (шок-2022). Оба этих масштабных события плохо диагностируются традиционными для России инструментами мониторинга экономической безопасности, основанными на измерении заранее известных критериев.

Экономический шок не тождественен кризису, а является самостоятельным явлением, что отражено в таблице 1.

Экономический шок представляет собой кратковременное воздействие, что отличает его от кризиса, который может иметь различную длительность. В большинстве случаев кризис имеет значительно большую продолжительность воздействия, чем шок. Стоит отметить, что шок может быть причиной кризиса, однако кризис может иметь и иную природу, отражая размеренные тенденции, не проявляющиеся в резкой форме. Экономический кризис является априори деструктивным явлением, наносящим вред социально-экономической системе, в то время как шок может быть как созидательным, так и разрушительным или же иметь оба свойства одновременно (амбивалентность шока). Шок вызывает или способен вызвать радикальные (коренные) изменения, он обуславливает смены совокупности управленческих решений, в то время

как кризисное воздействие может не вызывать изменения в системе («медленное загнивание»).

Наконец, одним из значимых отличительных признаков экономического шока является высокая степень неопределенности — шоковое событие трудно поддается прогнозированию как в период определения предпосылок для его возникновения, так и после того, как шоковое событие настало. Напротив, предпосылки к началу кризиса и также его ход в большей степени поддаются прогнозированию.

На рисунке 2 отражена взаимосвязь экономического шока с терминами, применяемыми в российской методологии экономической безопасности: вызов, опасность, риск, угроза.

Имеющиеся угрозы и риски вызывают экономический шок, после которого возможны четыре сценария: во-первых, это разрушение имеющейся социально-экономической системы, во-вторых, нахождение системы в депрессии, длящее значительное время. Кроме того, существуют два сценария восстановления — с сохранением прежней структуры (восстановление роста) и с созданием новой структуры (появление роста).

Стоит отметить, что в имеющейся методологии экономического пространства, закреплённой, в том числе в нормативно-правовых актах,

Таблица 1. Различия между экономическим шоком и экономическим кризисом.

Отличительные признаки	Экономический шок	Экономический кризис
Длительность воздействия	Кратковременный	Может быть как кратковременным, так и долговременным
Характер воздействия	Может быть как созидательным, так и разрушительным, так и содержать оба свойства одновременно (амбивалентным)	Разрушительный
Радикальность воздействия	Вызывает или способен вызвать радикальные (коренные) изменения	Может как нести коренные изменения, так и консервировать сложившееся положение, препятствуя изменениям
Степень неопределенности	Высокая	Средняя или низкая

практически не уделяется дальнейшим сценариям после наступления разрушительного события. Предполагается, что задача специалиста по достижению экономической безопасности страны – это, прежде всего, создание условий для укрепления национального суверенитета, достижения экономического роста, а также наблюдение за текущим состоянием, исходя из имеющегося набора показателей. В третьем разделе «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [13], который называется «Цели, основные направления и задачи государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности» не содержится информации о необходимости реагирования на уже наступившие события, имеющие большой разрушительный потенциал.

По мнению автора, проблемным моментом существующей в России методологии обеспечения экономической безопасности является игнорирование действия в случае наступления опасности. Подразумевается, что существуют угрозы, которые скорее рассматриваются как деструктивный потенциал, то есть то, что может нанести вред. Между тем, важным является разработка алгоритмов и защитных механизмов, которые могли бы действовать в случае наступления вредоносной ситуации. Такой изъян в методологии, возможно, вызван бюрократической логикой стратегического планирования развития России, когда озвучивание негативных сценариев со стороны лица, принимающего решение, может угрожать его карьерному росту и статусу в административной иерархии. Складывается положение, когда в нормативно-правовых документах, регламентирующих экономическую и национальную безопасность, отсутствуют характеристика состояния опасности, хотя логика обеспечения защищенности сложных систем диктует усиление, а не ослабление защитной деятельности в случае ухудшения ситуации.

Далее рассмотрим вопрос, какое место занимает теория экономических шоков в методологии экономической безопасности страны. Следует подчеркнуть, что экономическая безопасность не имеет единой теоретической базы, что типично для социо-гуманитарных концепций. Разговор о методологии, как науке о методе, применительно к экономической безопасности можно рассмотреть с двух позиций. С одной позиции, можно выделить четыре самостоятельных методологии экономической безопасности – институциональную [3], ресурсную [4], системную [2], пространственную [9], которые существуют параллельно друг от друга. С другой позиции, методология экономической безопасности страны едина, но в ней существуют различные направления – институциональное, ресурсное, системное, пространственное. Видится более корректным второй подход, поскольку выявление четырех самостоятельных методологий ЭБ представляется излишне претенциозным «смысловым нагромождением».

Рис. 2. Взаимосвязь экономического шока и терминов, применяемых в российской методологии экономической безопасности [11].

Институциональная школа базируется на том, что устойчивость по отношению к рискам и угрозам создается через стабильно работающие институты, к которым можно отнести охраняемое законом право собственности, независимый от исполнительной власти суд, сменяемость политического руководства на различных уровнях. Предполагается, что более высокий уровень защищенности демонстрирует та социально-экономическая система, которая способна адаптироваться к вызовам без централизованного целеполагания со стороны исполнительной власти. Институционалисты отводят предпринимательским структурам более значимую роль в обеспечении экономической безопасности страны и регионов, полагая, что бизнес-сообщество более грамотно реагирует на имеющиеся угрозы, чем бюрократическое руководство, особенно в ситуации, когда оно несменяемо.

Ресурсное направление в методологии экономической безопасности основывается на том, что в основе достижения состояния защищенности находятся ресурсы, будь то финансовые ресурсы, природные ресурсы, человеческие ресурсы. Апологеты этой парадигмы полагают, что

создание финансовой «подушки безопасности», такой как Фонд национального благосостояния, средства которого можно использовать для ликвидации негативных проявлений, является необходимым условием защиты. Большое количество природных ресурсов, в свою очередь, помогают народно-хозяйственному комплексу страны стабильно функционировать перед лицом внешних угроз, а также иметь устойчивых потребителей экспорта (напрашивается пример с высоким уровнем экспорта нефти и газа из России в условиях санкций). Наконец, человеческие ресурсы страны также создают потенциал для противодействия угрозам и рискам ЭБ.

Системное направление в методологии экономической безопасности страны в своем фундаменте содержит понятия «система». Соответственно, более защищенной и адаптивной является та совокупность субъектов, которая объединена в систему, при этом более упорядоченная система имеет больший потенциал противодействия угрозам и рискам. Сторонники системного подхода предполагают, что безопасное состояние достигается путем повышения управляемости акторами, ответственными за

предотвращение негативной ситуации. Системная парадигма существенным образом отличается от институциональной: если «институциональщики» делают упор на саморегуляции субъектов, то «системщики» отдают приоритет слаженности их совместной работы. В системной парадигме приветствуется контринтуитивность, то есть достижение планомерности работы, в которой снижается роль интуиции лиц, принимающих решения.

Пространственное направление методологии экономической безопасности исходит из того, что высокую роль в обеспечении защищенности имеет пространственная специфика государства и региона, которая может быть рассмотрена как с географической точки зрения, так и с позиции совокупности экономических контактов, образующих пространство. В этом направлении высокую роль играют логистические цепочки, реализуемые в конкретной территории. Эффективность логистики, а также защищенность (с экономической точки зрения) транспортных коммуникаций способствует росту экономической безопасности. Применительно к специфике геоэкономического противостояния, в которое вовлечена Россия эти тезисы могут быть преподнесены следующим образом: национальная экономика, имеющая устойчивые направления экспорта, и способность сохранять эти направления при недружественном санкционном воздействии, является более защищенной.

Возможны три варианта:

1. Экономические шоки рассматриваются в рамках одного из аспектов методологии экономической безопасности;
2. Экономические шоки связаны с двумя, тремя или всеми четырьмя аспектами методологии экономической безопасности страны;
3. Существует самостоятельная методология шокоустойчивости.

Согласно институциональному подходу к экономической безопасности, шоки препятствуют функционированию институтов, ставя под сомнение их способность как к собственной адаптации, так и к противодействию шоками с точки

зрения социально-экономической системы.

В логике системного подхода экономические шоки толкают систему к распаду на отдельные составляющие. Шоки оспаривают способность системы к адаптации, а также оспаривают ее целеустремленность и контринтуитивность.

В рамках ресурсного подхода оценивается способность сопротивляться шокам, исходя из наличия ресурсов для противоборства разрушительным процессам. В пространственном подходе шоки наносят вред экономическому пространству, нарушая его связанность. В рамках пространственной методологии экономической безопасности шок вызывает процессы, которые имеют схожесть с системным подходом – усиливаются центробежные тенденции, стремление отдельных элементов к фрагментации, то есть распаду на части.

Теперь зададимся вопросом, может ли устойчивость к экономическому шоку рассмотрена как самостоятельная парадигма методологии экономической безопасности.

Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным, исходя из следующих положений:

1. Методология представляет собой совокупность методов. Исходя из этого, следует заключить, что реакция на экономические шоки не имеет собственную совокупность методов, которые не применялись бы в системном, институциональном, ресурсном, пространственном направлении методологии ЭБ.
2. Термин «экономический шок» не привел к появлению собственного философского направления, в котором отражались бы уникальные методы познания. Имеющийся инструментальный набор, дающий возможность прогнозировать появление шоков, а также определять действия после наступления деструктивных шоковых последствий, не имеет собственного философского осмысления.
3. Научный анализ феномена экономических шоков, хотя и привел к созданию различных методических приемов по анализу шоков, но не сформировал полноценную науку о методе обеспечения шокоустойчивости, в целом.

Представляется корректным отмечать признаки методологии в предвиденье будущих шоков, однако видится ошибочным заявлять о собственной методологии анализа и противодействия шоковым воздействиям. Стоит отметить, что указанные выводы могут быть как подтверждены, так и опровергнуты в ходе исследовательской деятельности.

С точки зрения практики обеспечения экономической безопасности страны можно выделить «антиглобалистский» и «глобалистский» взгляд. «Антиглобалисты» полагают, что экономическая безопасность России будет возрастать в случае углубления деглобализации, когда будет происходить отход от однополярного мира к существованию нескольких конкурирующих между собой блоков (например, G7 и БРИКС). Защищен-

ность национальной экономики России, исходя из данных взглядов, будет возрастать по мере достижения импортозамещения и национально-технологического суверенитета.

«Глобалисты» придерживаются иной точки зрения на экономическую безопасность: они полагают, что выпадение России из глобальной цепочки создания добавленной стоимости (global value chains) вредит росту и развитию, а независимое от Запада научно-технологическое развитие невозможно или имеет низкую эффективность. В этих условиях становится критически важным для экономической безопасности не обособиться от недружественных государств, а занять высокие позиции в мировой экономике, преодолеть роль поставщика невозобновляемых природных ресурсов.

Библиографический список

1. Анучина Д. А. Усиление межрегиональных взаимодействий как инструмент снижения пространственной поляризации (на примере регионов Северо-Западного федерального округа) // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. — 2024. — 3 (78). — С. 95–104.
2. Гребенкина С. А., Славянов А. С., Хрусталева Е. Ю. Экономическая безопасность субъектов РФ: системный подход // Региональная экономика: теория и практика. — 2019. — Т. 17, 10 (469). — С. 1909–1922.
3. Коуз Р. Фирма, рынок и право / пер. с англ. Б. Пинскера. — М.: Новое издательство, 2007. — 218 с.
4. Макаров И. Н., Ходякова О. Э. Экономическая безопасность: теория, методология и основные аспекты в функционировании хозяйствующего субъекта, региона, страны // Ученые записки Тамбовского отделения РАСХН. — 2017. — № 7. — С. 204–213.
5. Макроэкономический опрос Банка России. — URL: https://cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/ (дата обр. 06.02.2025).
6. Мишустин оценил рост российского ВВП в 2024 году примерно в 4%. — URL: <https://www.interfax.ru/business/1006232> (дата обр. 06.02.2025).
7. Новак спрогнозировал рост ВВП России в 2025 году на уровне 2–2,5%. — URL: <https://www.interfax.ru/business/1000541> (дата обр. 06.02.2025).
8. Окрепилов В. В., Кузнецов С. В. Планирование научно-технического и социально-экономического развития в регионах Северо-Запада: исторический контекст // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. — 2024. — 3 (78). — С. 12–22.
9. Песоцкий А. А. Безопасность экономического пространства России в рамках региональных, отраслевых и социальных подпространств // Экономические науки. — 2015. — № 126.
10. Песоцкий А. А. Экономический шок: определение, укрупненные подходы к классификации // Kant. — 2021. — 2 (39). — С. 85–90.
11. Песоцкий А. А., Мешков И. О. Расчет влияния экономического шока, вызванного пандемией COVID-19, на российские регионы // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. — 2022. — 1 (68). — С. 12–23.
12. Плотников В. А., Плотников А. В. Постсанкционный экономический рост в России: аспекты экономической безопасности // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. — 2024. — 3 (78). — С. 173–179.
13. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».